

Новые эпиграфические находки в Афинах

Из всего эпиграфического материала, опубликованного за последние годы, наиболее интересны надписи, найденные при раскопках на Афинской агоре и на склонах Акрополя. Эти раскопки производились в очень широком масштабе Американским археологическим институтом в Афинах (The American School of Classical Studies) в 1930—1935 гг. Результаты этих раскопок печатаются в роскошно изданном журнале «Hesperia». К сожалению, первые номера этого журнала, содержавшие чрезвычайно интересные надписи, до сих пор не получены в Ленинграде, и о содержащемся в них

материале я могу судить только по замечаниям в различных филологических журналах.

Быть может, наибольшую сенсацию произвело нахождение очень большого числа черепков, применявшихся при остракизме, с именем Фемистокла. До этих раскопок были известны лишь два черепка с этим именем. На обоих этих черепках, как и на надписи в честь хорегии Фемистокла, он назван только по дему (Φεμιστοκλῆς) без отчества. Отсюда Домашевский в его замечательном исследовании о Фемистокле (A. v. Domszewska—Die attische Politik in der Zeit der Pentekontaetie, Stzgsb. d. Heidelberg. Ak. d. Wiss., 1925, стр. 5) сделал вывод, что с точки зрения закона Фемистокл вовсе не имел отца, так как он был незаконнорожденным.

Данные новых раскопок показали, однако, неправильность этой теории, так как на найденных теперь черепках Фемистокл чаще называется по отчеству, чем по дему.

Эти черепки были найдены на склоне Акрополя, в колодце, далеко от агоры, где производилось голосование, на большой глубине (13—15 м). Здесь 191 черепок, все только с именем Фемистокла. Они находились вместе и чрезвычайно сходны друг с другом: они представляют собой круглые доньшки совершенно однотипных сосудов («скифосов») с аккуратно начертанным по кругу именем Фемистокла, чрезвычайно схожие друг с другом и, очевидно, написанные сравнительно небольшим числом людей. Трудно допустить, чтобы черепки после голосования были унесены с агоры на большое расстояние и здесь выброшены; но если бы это даже было так, то, конечно, имена разных лиц, предложенных к остракизму, были бы перемешаны между собой. Между тем, здесь не встречается никаких имен, кроме Фемистокла; равным образом здесь нет ни одного черепка от простого глиняного горшка. Отсюда издатели справедливо заключают, что эти черепки были изготовлены впрок, но остались не использованными для остракизма. Очевидно, враги Фемистокла изготовили в каком-нибудь «партийном» клубе аккуратные черепки, из особенно красивого материала и изящно исполненные, для раздачи гражданам; таким образом, наше представление, что имена на черепках всегда писались тут же на агоре во время голосования, оказывается неверным.

Есть все основания полагать, что эти черепки предназначались не для голосования в конце 70-х годов, когда Фемистокл был изгнан, а для голосования в 483/2 г., когда аристократы писали имя Фемистокла, демократы—имя Аристиды, а какая-то третья группа—имя Калликсена, сына Аристонида, нам совершенно неизвестного. Это видно из следующего: на самой агоре, где происходило голосование, американцы нашли также большое число черепков, но здесь лежали вперемежку черепки с именами Фемистокла, Аристиды и Калликсена. Эти черепки, очевидно, относятся к голосованию, когда был изгнан Аристид, т. е. к 483/2 г., так как в конце 70-х годов, после возвращения из изгнания, Аристид уже не был политически опасен и вторично изгонять его не было смысла: он сошел со сцены, как вождь политической группы. Между тем, среди черепков, найденных на агоре, имеются три с именем Аристиды, один—с именем Фемистокла и несколько с именем Калликсена, написанных как раз таким же образом на доньшках скифосов; такое же доньшко представляет собой и черепок с именем Ксанфиппа, изгнанного за год до этого, в 484 г. Это дает право отнести к той же дате и 191 черепок с именем Фемистокла, изготовленный на склоне Акрополя.

Черепок с именем Кимона, сына Мильтиада, из грубой горшечной глины, гораздо более примитивного вида, найден в том же колодце, что и указанные 191 черепок, но на совершенно другой глубине (6,5 м, следовательно, на 8 м выше, чем те черепки), и поэтому никакого отношения к тем черепкам не имеет (Кимон был изгнан в 461 г.).

Отметим еще, что сухая формула на черепках иногда варьируется. После имени и отчества Фемистокла на четырех черепках еще написано: *ΙΤΟ*, «пусть убирается»¹.

¹ См. журнал «Hesperia», II, 1933, стр. 460; V, 1936, стр. 39; VII, 1933, стр. 228 AJA, 37, 1933, стр. 296; 42, 1938, стр. 13.

Далее найден новый отрывок знаменитого афинского декрета о выводе афинских клеруков на остров Саламин. Этот декрет издан под № 1 в I томе *editio minor* собрания IG, вышедшем в 1925 г.

Автором этой статьи было предложено несколько новых чтений к этой надписи. Так как они были получены Гиллером фон Гертрингеном, издателем IG, уже после напечатания № 1, издатель, принявший предложенное мною чтение последней строки, включил его в *Addenda*. Мои поправки были обоснованы в «Докладах Российской Академии наук» за 1924 г. стр. 134 сл., в «Klio» (XXI, 1926, стр. 68 сл.) и, наконец, в «Hermes» (62, 1928, стр. 276 сл.); затем эти дополнения вошли в SEG за 1927 г. т. III, № 1) и в сборник M. N. Tod—A Selection of Greek Historical Inscriptions, 1933, № 11.

Последняя строка этой надписи заключала датировку. Гиллер дополнял ее так:

[ταῦτ' ἔδοχσ]
-εἰ: [ἐπ:]ι τῆς β[ολῆς τῆς πρώτης]¹

Такого рода формула не встречалась до сих пор в греческой эпиграфике; в частности, афинские надписи датируются или по архонту или по секретарю совета, но не по номеру созыва совета.

Гиллер видел в этом дополнении только «Notausweg», так как всякое другое дополнение оказывалось слишком длинным для оставшегося на камне места. Предложенное мною дополнение точно соответствовало оставшемуся свободному месту и в то же время представляло собой обычную датировку по архонту в довольно часто встречающейся форме:

[ταῦτ' ἔδοχσ]
-εἰ: [ἐπ:]ι τῆς Β [.....ἀρχῆς]²

Поэтому Гиллер отказался от своего дополнения и предпочел ему мое. В качестве одного из возможных имен архонтов он предложил читать Βολαρχίδο. Вновь найденный отрывок оказывается чрезвычайно подходящим для моего дополнения: он относится как раз к последним строкам и содержит для предпоследней строки давно уже дополненные буквы $\tau\epsilon$, а для последней на расстоянии одной буквы от конца прежде известной части две буквы $\lambda\epsilon$. К сожалению, Швейгерт (Eugene Schwegert), издавший этот отрывок, оказался совершенно не в курсе вопроса об этой надписи. Он полагает почему-то, что мое дополнение требует значительно большего числа букв, чем дополнение Гиллера, а так как новый обломок показывает, что после букв $\lambda\epsilon$ остается место максимум для 10 букв, то он и считает, что этим самым мое дополнение отпадает. Если бы он дал себе труд сосчитать число букв в моем дополнении после $\lambda\epsilon$, то убедился бы, что в нем ровно 10 букв. Далее, дополнение Βολαρχίδο было предложено Гиллером лишь в качестве примера для пояснения моего восстановления надписи. Буквы $\lambda\epsilon$ на новом обломке прекрасно подходят к моему дополнению. В греческом языке имеется целый ряд имен, начинающихся на Βολε... и точно соответствующих по своей длине числу мест в конце последней строки. Например, Β[ο]λε[χλέος] (см. Prosopographia Attica, I, № 2914, начала IV в.), Β[ο]λεχρίος; поместится также и имя Β[ο]λε[κράτος].

Впрочем, как правильно указал Тод (о. с., стр. 14), прекрасно подойдут и более короткие имена, как, например, Β[ο]λε[ίδο], Β[ο]λε[ιτό] и т. д., так как последняя строка вовсе не должна была быть заполнена до конца.

Замечание Швейгерта о том, что порядковое числительное здесь очень кстати и что такая датировка очень подходит к периоду реформ Клисфена, свидетельствует только о его неопытности: при дополнении формул надписей руководятся не соображениями логики, а наличием аналогичных формул, засвидетельствованных в других над-

¹ «Это было постановлено при первом совете».

² «Это было постановлено в архонтат Б...»

писях. Впрочем, на вопросе дополнения этой строки я останавливался подробно в моих указанных выше статьях и, так как заметка Швейгерта не содержит ни новых фактов, ни новой аргументации, то мне нет нужды возвращаться к этому вопросу вторично. Таким образом, последняя строка читалась, примерно, так:

[ταῦτ' ἔδοχ']-
 εν: [ἐπ]ι τῆς Β[ο]λέ[κλειος ἀρχῆς].

Еще интереснее надпись, найденная там же и опубликованная впервые в 1937 г. (см. «Ath. Mitteil.», 57, 142; 59, 252; «Hermes», 68, 353; «Class. Quarterly», 32, 1938, стр. 80). Она относится к 446 г. и представляет собой эпитафию на могиле погибших в Коронейской битве. Надпись сохранилась хорошо и к тому же написана *στοιχῆδόν*, т. е. так, что буква написана под буквой, так что всегда можно определить число утраченных букв. Поэтому дополнение ее никаких решительно трудностей не представляет. Однако эта элегия написана умышленно трудным поэтическим языком религиозно-мистических стихотворений, и поэтому перевод ее представляет большие трудности. Я считаю необходимым, поэтому, дать здесь как текст, так и прозаический перевод.

Τλέμονες, ἡοῖαν ἄγῳνα μάχης τέλεσαντες ἀέλπ[το]
 φουχᾶς δαιμονίος ὀλέσας' ἐμ πολέμοι.
 οὐ κατὰ θ[υ]σ[μενέ]ο[ν] ἄ.[δ]ρῶν σθένος, ἀλλὰ τις ἡμᾶς
 ἡμιθέον θεῖαν [ἐς ἡοδόν] ἀντιάσας
 ἐβλάψεν· πρόφρον[ι] γάρ ἡὸ πέφρα]θε «δόραχον ἄγαν
 ἐχθροῖς θερύ[ται]ς»¹, [θέσφατον] ἡ]μετέροι
 σὺν κακῇ ἐχσετέλεσσε· θροῦται δὲ πᾶσι τὸ λοιπὸν
 φράζεσθαι λογίον πιστὸν ἔδωκε τέλος.

Перевод:

«Жестокосердые! Совершив такое ужасное 'состязание безнадежной войны, вы по воле богов погубили ваши души в бою. Не сила недругов вас погубила, но кто-то из полубогов, выйдя к вам навстречу на священную дорогу, повредил вам. Благо-склонный к вам, он предсказал вам, что «будет трудной добыча для вражеских охотников», и вам на горе выполнил это предсказание. Он показал, что пророчество сбывается, дабы все люди впредь утверждали это».

Для понимания этой надписи необходимо привести свидетельства Фукидида и Плутарха об этом сражении.

Фукидид, I, 113 (в 446 г.): «Беотийские изгнанники заняли Орхомен, Херонею и некоторые другие пункты Беотии. Афиняне выступили в поход против этих враждебных им городов в числе тысячи своих гоплитов с отдельными отрядами союзников; стратегом был Толмид, сын Толмея. Взявши Херонею, обратив жителей ее в рабство и поставив там гарнизон, афиняне отступили. На пути подле Коронеи напали на них беотийские изгнанники из Орхомена вместе с локрийцами, евбейскими изгнанниками и всеми единомышленниками их; они одолели афинян в сражении, причем одних перебили, других взяли в плен. Афиняне вышли из всей Беотии, заключив договор... Беотийские изгнанники возвратились на родину, и... беотяне вновь стали автономными».

Плутарх (Перикл, 18) указывал еще на то, что это был поход добровольцев и что Перикл был недоволен этим походом: «Перикл заметил, что Толмид, сын Толмея, возмнил о себе вследствие прежних военных удач и вследствие того, что эти удачи сделали его чрезвычайно знаменитым. Он стал готовиться в самый неблагоприятный момент вторгнуться в Беотию и убедил знатнейших и честолюбивейших

¹ θηρεύταις исправлено по контексту: чтение надписи θηρεύσας не дает удовлетворительного смысла.

из людей в самом цветущем возрасте отправиться с ним добровольцами в этот поход. Их набралась тысяча человек, не считая других сил. Перикл пытался в народном собрании удержать и уговорить его, сказав свои достопамятные слова: «Если ты не хочешь слушаться Перикла, то ты во всяком случае не ошибешься, выждав мудрейшего из всех советников—время». Тогда это изречение не доставило ему большой славы, но спустя несколько дней, когда в Афинах получилось известие, что погиб и сам Толмид, потерпев поражение в бою, и многие доблестные граждане,—это изречение доставило Периклу большие симпатии и популярность, так как он выказал себя рассудительным и патристически настроенным гражданином».

Вновь найденная надпись показывает, что Плутарх восходит к хорошему источнику, тогда как Фукидид, очевидно, замалчивает неудобные подробности: она подтверждает и то, что поход был предпринят добровольцами, и то, что были влиятельные группы, не сочувствовавшие этому походу. Кто бы ни поставил эту надгробную надпись—правительство или друзья покойных—ясно, что они относятся с неодобрением к участию их в походе. Мы видим даже, что была, по видимому, сделана попытка (вероятно, со стороны беотийского жречества) инсценировать появление на священной дороге (т. е., вероятно, на дороге, ведущей в храм Афины Итонии) призрака героя, предупреждающего афинян об ожидающем их поражении. Выражение «жестоко-сердые» уместно лишь в случае добровольного похода. «Безнадежная война» напоминает «самый неблагоприятный момент» Плутарха. Пропаганда веры в предсказания показывает, что были уже значительные круги граждан, не веривших в них; она напоминает нам очень близкие места из «Эдипа-царя» Софокла и из Геродота. По мнению Боура, надпись написана в лаконском стиле. Все это делает понимание классовой и партийной ситуации в этот момент чрезвычайно затруднительным.

С. Я. Лурье